

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

В. ПЛЕСКОВ

ЗЕРЕНТУЙСКИЕ
ПОБЕГИ И ПОДКОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПО ПИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1930

На обложке помещен восточный
фасад Горнозере́нтуйской тюрь-
мы и план подкопов.

Главлит № А—73518.

Заказ 992

Тираж 22.000 экз.

Тип. газ. „Правда“. Москва, 9, Тверская, 48.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В этой книжке автор рассказывает читателю, как в мрачные годы царизма заключенные пытались вырваться из-за решеток на волю в одной из самых отдаленных каторжных тюрем Сибири. Горно-Зерентуйская тюрьма была центром Нерчинской каторги, расположенной в тогдашней Забайкальской области, на границе с Монголией. Кроме Горного Зерентуя, здесь были еще и другие тюрьмы: Алгачинская, Акатуй, Кутомара, Када и женская Мальцевская.

Начиная с времен декабристов, выступивших во главе войск против царизма в Петербурге, на Сенатской площади, 14 декабря 1825 года,— на Нерчинской каторге перебивало несколько поколений русских революционеров. С 1904 года сюда посылались сотни рабочих, крестьян, затем мат-

росов и солдат, участников восстаний против самодержавия.

Условия жизни каторжан в разных тюрьмах были различные, в одних хуже, в других лучше. Не говоря уже о разнице в политических условиях в различные моменты, это зависело и от сплоченности политкаторжан, от их умения и решимости добиться тяжелой борьбой более сносных условий для своего существования.

Товарищи зерентуйцы в течение нескольких лет, с 1907 по 1910 год, сумели отстоять сравнительно неплохие условия для своего быта, живя дружной, сплоченной семьей и пользуясь трусостью тюремщиков. В это же время в других тюрьмах — например, в Алгачах и Акатуе — режим был зверским, и зерентуйцам неоднократно приходилось выступать перед администрацией каторги с требованием облегчить положение товарищей в других тюрьмах.

С 1910 года положение и в Горном Зерентуе резко изменилось к худшему, несмотря на сопротивление заключенных — вплоть до самоубийств. Во всех тюрьмах политические были уравнены в бесправии с уголовными, и режим на каторге установился одинаково тяжелый и беспросветный (ослаблен был только с началом войны).

Читателю необходимо все это иметь в виду, чтобы уяснить себе общую обстановку в Горном Зерентуе в те годы, когда заключенные в ней товарищи делали попытки вырваться из-за тюремных стен на волю.

После революции 1917 года каторга, как таковая, была ликвидирована. В настоящее время от тюрем остались одни развалины, часть же построек используется для культурно-бытовых нужд населения. От «гиблого места» остались одни лишь тяжелые воспоминания.

И. Гольц-Миллер.

С Л У Ш А Й!..

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна;
Чернее той ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.

Кругом часовые шагают лениво,
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоск-
ливо:

Слуша-ай!..

Хоть плотны высокие стены опрады,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков взгляды
И всюду сверкают штыки,

Хоть тихо внутри, но тюрьма — не
кладбище,

И ты, часовой, не плюшай,
Не верь тишине, берегися, дружище!..

Слуша-ай!...

И снова все тихо. На небе несмело
Луна показалась на миг
И, словно сквозь слезы, из туч поглядела
И скрыла заплаканный лик...

Кругом часовые шагают лениво,
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, то:
ЛИВО:

Слуша-ай!...

В. Плесков.

1. НЕУДАЧНЫЕ ПОПЫТКИ.

С 1907 по 1913 год было много попыток к побегам из Горного Зерентуя. Особенно часто возникали они в 1908—1909 году, когда политические заключенные, большею частью недавно переведенные из Акатуя или доставленные с «воли», еще не истратили своих сил, предприимчивости и бодрости на борьбу с тюремным режимом.

Воля заманчиво притягивала к себе помыслы многих, если не всех, каторжан. К тому же, и внутренние условия тюремной жизни в эти годы благоприятствовали развитию всяческих коллективных и единоличных замыслов. Внутреннее обитание в тюрьме было беспрепятственное, в тюремной больнице были преданные и надежные русские — доктор Н. В. Рогалев и фельдшер П. Крылов¹⁾. В Зерентуй, хотя и с большими

¹⁾ Н. В. Рогалев — тюремный врач Нерчинской тюрьмы, сделал для политических заключенных много добра: через него шли важные письма на волю, он был главным нашим почтальоном в переписке с жен-

трудностями, но все же часто наезжали в ту пору родственники заключенных. В самой деревне при тюрьме и в ближайшем уездном городе, в «Нерчинском заводе», также были люди, сочувствовавшие нам. В тюрьме даже сохранялась «вольная» одежда и белье, были кое-какие денежные фонды «на всякий случай».

Был даже хорошо запрятанный браунинг (впоследствии прибавился еще один, проданный нам ушедшим в отставку помощником начальника тюрьмы Галлюнасом, тоже нашим другом).

Риск при побеге в сущности был не так уж велик, если не бежать из-под выстрела. При неудаче угрожало продление срока. Но в первые

щинами, товарищами из Мальцовской тюрьмы. Вместе с фельдшером Т. П. Крыловым ежегодно применял к политическим закон, по которому срок каторги сокращался на $\frac{1}{4}$. Для этого они признавали больными заранее отобранные группы политиков, хотя среди них были и совершенно здоровые товарищи. Это был сознательный и рискованный для обоих подлог для освобождения политических, которые уходили на поселение и оттуда бежали в Россию и за границу для продолжения подпольной революционной борьбы. Так было освобождено за три года около ста заключенных в одном лишь Горном Зерентуе. Закон применялся при участии Рогалева и в других тюрьмах Нерчинской каторги. Общество политкаторжан недавно поддержало ходатайство о назначении товарищу Рогалеву, уже престарелому человеку, персональной пенсии. Судьба Крылова нам неизвестна.

после революции годы особенного значения сроку каторги никто не придавал: тогда верилось, что вторая революция не за горами.

При таких условиях — как было не мечтать о побегах и не делать попыток к ним?

И проекты рождались, один заманчивее другого.

Одним из ранних проектов был план побега из тюремной больницы. И заключался он в следующем:

Выход из больничного двора был через особые ворота в фасаде наружной стены. Возле ворот стояла будка надзирателя, который очень часто отлучался по звонку к главным тюремным воротам, на расстояние в 20-30 саженей. Калитка больничных ворот запиралась внутренним замком. Предполагалось использовать эти обстоятельства следующим образом: снять слепок с замка калитки, изготовить запасный ключ, улучшить момент, когда надзиратель уйдет к тюремной будке, где его следовало задержать подольше, открыть калитку и незаметно проскользнуть к ближайшим возле тюрьмы строениям, где должна была ожидать помощь с воли.

В этих конспирациях (заговорах) участвовали социалисты-революционеры, при чем приехавшая к сыну на свидание Анна Семеновна Филипченко

имела к этому делу касательство. Имелось в виду устроить таким способом побег и Егору Созонову¹⁾. Слепок и ключ, помнится, были сделаны, но побег все же почему-то не удался.

Несколько в ином, все же, виде подготовлялся побег Егора Созонова. В тюремном корпусе шла постройка здания для одиночных камер. Работала артель российских рабочих из центральных губерний — каменщиков, плотников и так далее. Два-три раза в день они проходили через тюремные ворота. Мы в это время свободно гуляли по двору, часто смешиваясь с рабочими.

Возникла мысль — переодеть и запримитивать Егора Созонова под русского «кацапа» и выпустить его из ворот вместе с артелью. План был задуман недурно. Дело кончилось, однако, досадно.

---

¹⁾ Е. С. Созонов — террорист, член боевой организации с.р., 15 июля 1904 года убил главу царской реакции, министра внутренних дел В. К. фон-Плевкес, бросив бомбу под карету временщика. В ноябре 1910 года вновь назначенный в Горно-Зерентуйскую тюрьму начальник Высотский ввел телесные наказания для непокорных политиков. Протестуя против этого зверства и желая остановить массовые самубийства среди товарищей, Е. С. Созонов отравился — за два месяца до ухода на поселение. Его смерть действительно, остановила дальнейшие зверства на каторге и вызвала волну политических протестов среди русских рабочих и студенчества, а также и границей.

ой неудачей. Однажды на прогулке ко мне, как старосте, подошел наш тайный тюремный друг аллюнас. Он отвел меня в сторону и сообщил од большим секретом, что назначенный на седня побег Созонова может закончиться плохо: все подробности плана известны тюремному начальству, которое приняло соответствующие меры. Конечно, это было тотчас же передано, кому следует, и все приготовления были ликвидированы.

Тогда нам стала понятна причина неожиданной, за пару дней до этого, прогулка по тюремному двору начальника каторги Забелло: очевидно, ему нужно было лично проверить обстановку, посмотреть нашу прогулку, возможность общения с рабочими, и так далее.

Ретивому полковнику не удалось на этот раз выслужиться перед начальством...

Были и более смелые по замыслу попытки к обегам, сопровождавшиеся тяжелыми последствиями.

Однажды, под вечер жаркого летнего дня, мы были поражены необычайной картиной. Мимо юрмы бегом промчался отряд вооруженных конвойных по направлению к кирпичному заводу, куда ежедневно, направлялась под конвоем большая партия уголовных каторжан. Вслед за тем

было, и это давало возможность всем бывшим на кухне рабочим выходить во время церковной службы из корпуса во двор и даже подходить к воротам.

При таких условиях не трудно было переодеть и загримировать под конвойца одного из бывших матросов, политического каторжанина Зоренко, и выпустить его из ворот под видом солдата конвойной команды.

Одежду как-то удалось достать.

Вся конспирация велась в 5-й камере, где помещался Зоренко. К вечеру кое-где по нашим камерам шушукались уже о подробностях побега.

Зоренко ушел, и осталась трудная задача: при вечерней проверке замести следы побега. Выход был придуман простой и остроумный. Уборные 5-й и 6-й камеры отделялись друг от друга каменной стеной. В ней проделана была дыра. Ее отверстие приходилось над стульчаками и было завешено в обеих уборных парусиновыми простынями, что часто практиковалось у нас ради чистоты, в связи с течью труб. Перед проверкой в 5-й камере, сюда перелезал один из заключенных шестой камеры, ложился на нары и, закутавшись с головой, чтобы не видали его лица, разыгрывал больного. Как только дверь 5-й камеры закрывалась после проверки, мнимый больной пере-

лезал обратно в свою шестую камеру. Счет по камерам сходился, и все было в порядке.

Таким образом «наводили тень» дня два-три. Засыпались на ближайшем камерном обыске: надзиратели случайно подняли простыню в уборной и обнаружили отверстие в стене. При проверке в 5-й и 6-й камерах не досчитались одного заключенного. Однако, фамилию исчезнувшего смогли установить не сразу: тюремщикам пришлось проделать именную проверку по статейным спискам всех политических заключенных, на что ушло более полудня. Причина была в том, что покамерных списков тогда не велось, а переселение из камеры в камеру производилось ежедневно, по желанию самих заключенных, и после побега Зоренко все карты были нарочно спутаны нами.

При поголовной проверке начальник тюрьмы Ладыгин сидел тут же в церковном коридоре за столом и бесился от злости. Однако, он вынужден был соблюдать приличие и вежливость, а мы были на этот раз особенно предупредительны.

Цель была достигнута: Зоренко был уже далеко и в безопасности. Ладыгина тут же сместили, и на его место сел хитрый казак Павловский.

Побег имел и некоторые юмористические (смешные) последствия. Надо было найти среди

нас и покарать виновных. Решили было наказать 5-ю и 6-ю камеры поголовно. Но я, как староста, резонно доказывал, что надо раньше установить состав этих камер при побеге Зоренко. Так и не вышло ничего с этим наказанием.

Тогда гнев администраторов каторги обрушился на меня. Получилась бумажка, где Павловскому было предложено посадить меня на 2 недели в светлый карцер «за сокрытие следов побега», и чтобы я сдал «должность» другому старосте.

Я выслушал Павловского и, не моргнув глазом, заявил:

— Как выборное лицо, я, конечно, не могу этого сделать без разрешения коллектива.

Сделав доклад по камерам, я сообщил начальнику тюрьмы ответ коллектива: 1) старосте выражено полное доверие, и он остается на своем посту; 2) староста берется под защиту всего коллектива и 3) за побег и укрывательство могут отвечать только непосредственные виновники, если администрация может их установить.

Кажется, на этом волынка и закончилась, если не считать вычета нескольких рублей из наших денег на ремонт стены в уборной. Да еще слетел с должности, вслед за Ладыгиным, и начальник каторги, которого сменил Забелло.

Это был единственный за 7 лет моего пребывания на каторге удачный побег, «время и способ коего не был установлен» администрацией, как рапортовал по начальству новый начальник каторги. Побег был здорово засекречен: тюремщики так и не дознались, каким же путем ушел Зоренко.

3. «ВЕРХ ИНЖЕНЕРНОГО ИСКУССТВА».

Полковнику Забелю готовились у нас «сюрпризы» посерьезнее. При нем начаты были подкопы, один из которых мог окончиться весьма удачно, если бы, как часто бывает в таких случаях, не помешала досадная, совершенно непредвиденная случайность.

Но пусть расскажут о подкопе сами тюремщики, я же сделаю к их повествованию необходимые разъяснения, чтобы приблизить фантазию пылких администраторов к истине.

Первое слово принадлежит «одному из лучших тюремных деятелей каторги, коллежскому советнику Покровскому» ¹⁾. Так аттестовал его в своих донесениях начальник каторги.

---

¹⁾ К слову сказать, для нас, зерентуйцев, он был не плохим тюремщиком, нарочно зла не делал и умел ладить как с нами, так и с высшей администрацией каторги.

«Весьма нужное.

«Нерчинская каторга, начальник Зерентуйской тюрьмы. Августа, 23-го дня, 1908 года. Горнь Зерентуй.

«Начальнику Нерчинской каторги. Рапорт.

«Доношу вашему высокоблагородию, что 22-го августа, во время обыска и осмотра обнаружен во вверенной мне тюрьме грандиозный (огромный) подкоп. Подкоп этот начат с верха этого этажа тюрьмы из 8-й камеры, в середине каменной стены, в простенках окон. Обыкновенно при всех осмотрах и обысках здесь вскрываются все сомнительные половицы. 22-го августа нашли вырезку в половице, а недалеко от этой вырезки незаметную снаружи разделку в стене. Оторвав с большим трудом от стены плитус, который был привинчен к стене, оказалось в стене большое отверстие и пустота вниз; при дальнейшем исследовании найдено, что подкоп велся сверху вниз по прямому направлению только ниже фундамента тюрьмы сделан сворм в овощное помещение, а из последнего тем же подкопом, под самый фундамент в тюремный двор, не доходя 3 сажени до тюремной оград подкоп кончился.

«В подкопе найдены веревки, свитые из белого холста, один котелок, одна кайла, 4 ламп

два огарка стеариновых свечей, одна ржавая пилка и много небольших холщевых мешочков, наполненных сырой землей. В этих мешочках вытаскивали кверху землю, которую разбрасывали под полом. Несколько таких мешочков найдено и на вышке тюрьмы, еще с совершенно сырой землей, даже прязью. В отхожем месте 8-й камеры одна половица, которой подшит потолок, отодвигается в сторону, а в потолке сделан небольшой прорез, через который и поднимались на вышку.

«Подкоп велся, повидимому, очень долго так как в стене выбрано кирпича на расстоянии 6-ти саженей, и кирпич в стенах прохода начал чернеть; надо полагать, что начал еще в прошлом году и работался в течение всей зимы. Толщина стен тюрьмы — около двух аршин, длина и ширина отверстия в стене тюрьмы — 12 вершков. Нетронутые стороны, наружная и внутренняя — толщиной в 14 вершков. Такая толщина неповрежденных стен не давала возможности тюремной администрации во время осмотра и обысков, при остукивании стены, проследить ее пустоту, что и послужило поводом к беспрепятственному, в течение долгого времени, ведению такого сложного подкопа, ускользающего от самого тщательного осмотра.

«Кирпич из стены выбирался, видимо, при помощи особого раствора, посредством которого известь отделялась от кирпича, а самый кирпич обращался в рассыпчатое состояние, а потому он выбран из стены без шума и особых инструментов для этого. План подкопа представляется. К дознанию приступлено.

«С моего поступления в управление тюрьмой, я часто временно переводил политических арестантов как из камеры в камеру, так равно из среднего в верхний этаж и обратно, рассортировывая их по категориям в виду переполнения тюрьмы, а между прочим, и с целью пресечь возможность арестантам, применяясь к местным условиям камеры, измышлять способ к подкопам. Из этого вытекает, что виновность совершенного подкопа ложится не на одних арестантов, которые содержались в момент обнаружения подкопа, а и на всех прочих, бывших в этих камерах и раньше.

Временно исполняющий должность начальника тюрьмы *Покровский*».

В день получения этого рапорта, Забеллю телеграфировал о подкове в главное тюремное управление и военному губернатору Забайкальской области, назвав подкоп «верхом инженерного искус-

ства», а через 3 дня он направил по тем же адресам подробный рапорт, который привожу здесь, опустив фактическую часть его, уже известную нам из доклада Покровского:

«Его превосходительству начальнику глазного тюремного управления. Рапорт.

«В дополнение к донесению моему по телеграфу, имею честь доложить вашему превосходительству подробности, при коих последовало открытие, сделанного арестантами зерентуйской тюрьмы подкопа.

«Поиски этого подкопа производились все время со вступления моего в должность, то-есть с 20-х чисел марта месяца, вследствие полученных мною докладов об упорных случаях относительно ведущегося в зерентуйской тюрьме подкопа, и слухи эти уже ходили несколько месяцев до моего приезда.

«Мои предместники не придавали доверия этим слухам. Но, увидев весь невозможный хаос в этой тюрьме и безначалие (так как незадолго перед тем начальник этой тюрьмы штабс-капитан Ладьгин был отстранен от должности за побег политического арестанта, время и способ коего не установлены и по сей дець), увидев отсутствие покамерных списков, открывание камерных дверей и шатание арестантов по коридорам под

разными предлогами, во мне утвердилась уверенность, что циркулировавшие слухи о подкопе заслуживают веры.

«Посему мною был преподан целый ряд указаний в приказах по каторге для установления порядка в тюрьме на основании требований, предъявляемых уставом о содержащихся под стражей. Был привлечен к начальствованию над тюрьмой один из лучших тюремных деятелей каторги, коллежский советник Покровский, и несколько надзирателей, и путем почти ежедневных обысков и поисков начали искать подкоп.

«За время поисков открыто было три подкопа: на кухне и хлебопекарне под печами, но, по исследованию таковых, во мне сильнее утвердилась уверенность, что настоящий подкоп ведется где-то в другом месте, а эти три сделаны для отвода внимания тюремного надзора.

«Я приказал начальнику тюрьмы осмотреть каждый вершок пола, потолка, печей, чердака, даже осмотрены были окрестности тюрьмы, с целью убедиться, что не ведется ли подкоп снаружи под тюрьму. Таким образом, осматривалась камера за камерой, и 22-го августа очередь дошла до 8-й камеры в третьем этаже тюрьмы...

«Помощью к открытию подкопа еще послужило следующее обстоятельство: в день обыска, на-

значенного 8-й камеры, после утреннего осмотра, надзирателю, наблюдающему за строительными работами, понадобилось осмотреть крышу, и он полез на чердак. Как только надзиратель показался на чердаке, в него было брошено кирпичем из-за трубы, и он заметил двух арестантов. Пока надзиратель побежал с докладом, на чердаке уже никого не оказалось, хотя двери чердака были заперты. Кирпич был брошен из-за трубы над 8-й камерой. Люди 8-й камеры тотчас же были проверены и все оказались налицо.

«Это явление породило подозрение, что из 8-й камеры проделан проход на чердак, и действительно, в отхожем месте этой камеры одна из половиц, которыми подшит потолок, отодвигается в сторону, а в потолке сделан небольшой прорез совершенно свежего происхождения. Этим ходом арестанты и поднимались на чердак, очевидно, как впоследствии выяснилось, для вытягивания наполненных землей мешков из подкопа через фанову (для вентиляции) трубу, имеющую связь с подкопом.

«Появление арестантов на чердаке, несколько мешочков и проделанный проход из сортира 8-й камеры на чердак и дали возможность окончательно убедиться, что подкоп ведется именно из 8-й камеры. Нары вдоль всех стен камеры и

отхожие места внутри камер, а равно переполнение этих камер до того, что зачастую людям приходилось спать под нарами, послужили к скрытому ведению подкопа.

«Хотя дознание по сему делу и производится, но виновники едва ли могут быть обнаружены, так как уже за мое время управления каторгой в 3-й и 4-й камерах пребывало почти все политическое население тюрьмы, каковое приходилось переводить в виду разных соображений, как-то: для отделения солдат от пражданских арестантов, испытываемых от исправляющихся и просто во избежание привычки к одной камере.

«Вообще, план вышеописанного подкопа сделан опытным инженером, каковых в тюрьме пребывало несколько человек, и я убежден, что все население тюрьмы знало об этой замечательно трудной и артистической работе, и этот ход, очевидно, должен был служить не только для однократного побега, а, по случаю великолепной маскировки, мог быть путем для побегов на долгое время.

«При сем представляю вашему превосходительству копию акта осмотра и схему (план) подкопа.

Начальник каторги, полковник *Забелло*.

Помощник, полковник *Ивановский*.

Делопроизводитель *Роголев*».

Авторы обоих донесений поочередно приписывают себе честь обнаружения этого замечательного подкопа, подчеркивая свою распорядительность, бдительность и прочие доблестные качества хороших тюремщиков. Однако, из рапорта Забелло легко видеть, что провал предприятия был совершенно случайным и неожиданным для обеих сторон.

Младшему надзирателю Юлиану Смарчевскому (ведавшему хозяйственной частью тюрьмы) понадобилось зачем-то на чердак. Здесь он заметил промелькнувшую фигуру в сером. Видавший виды тюремщик испугался, так как сообразил, что его, пожалуй, могут и не выпустить отсюда живым. Он выскочил из чердака, как ошпаренный, и побежал доложить по начальству.

Дальше все вышло уже очень просто: с чердака проследили отверстие подкопа, явились в 8-ю камеру, и — картина стала ясной. Вовсе не надо было осматривать каждый вершок пола и стен, как повествует Забелло. Провал таким образом случился не во время очередного обыска, как рапортовал Покровский, скромно умалчивая, в свою очередь, о сцене на чердаке.

Верно лишь одно: подкоп, действительно, усиленно разыскивался в течение нескольких месяцев. И было еще удивительно, что секрет сохра-

нялся так долго при существовавших в тюрьме «лягашах»¹⁾ и не очень-то конспиративных условиях, в которых велся, как увидим ниже, подкоп.

Оба рапорта хотят убедить высшее начальство в том, что подкоп начат очень давно, не менее года, велся при непосредственном участии инженера и кирпичи в стене размельчались кислотой. Легко понять, для чего это внушалось.

Во-первых, надо было переложить ответственность за подкоп на своих предшественников и подчеркнуть свою собственную бдительность. Во-вторых, раз подкоп велся инженерами, немудрено, что этих продувных бестий трудно было накрыть, а все же накрыли. Выдумка с кислотой понадобилась, очевидно, для того, чтобы замазать старые грешки по постройке тюрьмы. Неловко же было признаться: почти двухаршинные стены тюрьмы были так «хорошо» сложены, что они поддавались действию самых простых орудий, найденных при подкове; их ведь даже не успели вытащить из колодца в момент провала.

Подкоп был начат весной 1908 года,— вероятно, незадолго до приезда Забелло,— по сговору

---

¹⁾ Предатели и доносчики—из среды, главным образом, уголовных.

небольшой группы бессрочников: Бергмана, Стаценко и Штильмана. Конечно, они не имели никакого отношения к инженерному искусству. Может быть, некоторое значение имело только то, что Бергман был до каторги почтово-телеграфным монтером.

Когда велся подкоп, был, правда, среди политиков один инженер — Малоземов, но он скоро ушел на поселение, получив «высочайшее» помилование ¹⁾, и к рытью подкопа никакого отношения не имел.

---

¹⁾ Этот Малоземов А. П.—в своем роде «замечательная» личность. Он был крупным революционером, осужден на каторгу за участие в военном восстании в Кронштадте в 1906 году. Получил «помилование» от царя по заступничеству какой-то придворной фрейлины и ушел скоро на поселение в Забайкалье. Будучи хорошим горным инженером, Малоземов скоро выдвинулся среди капиталистов и попал на Ленские прииски. После 1917 года он переметнулся к белым на Дальний Восток, стал иностранным подданным и превратился, наконец, в акционера-директора английской концессионной золотопромышленной компании «Лена-Гольдфильдс».

Она взяла у нас Ленские прииски и ряд крупных промышленных предприятий на Урале и в Сибири. Недавно компания эта крахнула и расторгла договор с нами, бросив все предприятия и даже не выплатив заработной платы рабочим. Малоземов скрылся за границу, иначе ему пришлось бы тоже сидеть на скамье подсудимых по обвинению во вредительстве и шпионаже в СССР: в Верховном суде обна-

Работа начата была не сверху из 8-й камеры, как думали тюремщики, а снизу из 4-й, когда ее занимали политики. Затем, когда туда были посажены уголовные, политических перевели этажом выше, в 8-ю камеру, и пришлось сверху проделывать канал вниз. Здесь начались трудности. Так как «кислот» никаких не было и их не употребляли, то долбить камень приходилось кайлой, и стуки в стене стали слышны уголовным 4-й камеры. Отсюда, видимо, и пошли слухи о подкопе в тюрьме, хотя товарищи тщательно следили за населением 4-й камеры и старались подобрать сюда надежный элемент.

Другое препятствие возникло уже тогда, когда были пройдены стена и фундамент и подкоп пошел через тюремный двор. Здесь проходила канава для сточных вод. Высохшая под канавой земля стала обваливаться в подкопе, а снаружи во дворе в одном месте стало обнаруживаться опускание мостовой. Пришлось делать подпорки и пускаться на всякие уловки, во избежание обвала земли.

ружилось, что ближайшие «соратники» Малоземова были настоящими шпионами и хорошо выполняли задания своего «учителя» и руководителя А. П. Малоземова.

Разные бывают на свете превращения!

Канал велся по направлению ко двору начальника тюрьмы. Двор был расположен через дорогу, рядом с тюремной оградой. Ход вели в один из всегда закрытых сараев на дворе начальника, откуда и предполагался «выход из подполья».

Так как «инженерами» и работниками подкопа были сочувствие соц.-революционерам, то предприятие это и предназначалось главным образом, для последних, и в первую очередь для Егора Соконова. Соответственно с этим и подбирался состав сперва 4-й, а затем и 8-й камеры.

Не помню, были ли об использовании этого подкопа какие-либо другие переговоры между социал-демократической и эсеровской фракциями¹⁾ Зерентуя, но, во всяком случае, у социал-демократов о подкопе знали и на всякий случай готовились...

Неожиданный провал хорошо задуманного предприятия был тяжелым ударом для его участников: до конца подкопа оставалось уже немного, и все данные были за то, что он увенчается успехом.

---

¹⁾ Пока существовал при не очень свирепом еще тогда тюремном режиме зерентуйский коллектив политических, были и партийные группировки: социал-демократов, эсеров, польской организации социалистов, и прочие.

4. ПОДКОП НА КУХНЕ.

Беда не приходит одна. Дней через 5 после обнаружения первого подкопа, Покровский мог донести Забелло о новых своих успехах:

«Нерчинская каторга, начальник зерентуйской тюрьмы, сентября, 2-го дня, 1908 года. Горный Зерентуй. Начальник Нерчинской каторги. Рапорт.

«Доношу вашему высокоблагородию, что 27-го августа сего года обнаружен второй подкоп, всего длиной в 13½ сажений. Начат этот подкоп из топки печки в кухне, проведен через всю пекарню, в конце пекарни свернут в отхожее место и выведен на тюремный двор. Открыт он при следующих обстоятельствах: с утра сделан был обыск в камерах тюрьмы, по окончании там перешли на кухню. При пересчете работавших на кухне из каторжных, трех номеров не оказалось. Приступив к их розыску, один из них найден в темной комнатке около пекарни на полу, весь в грязи и мокрый, а затем найдены и остальные два номера.

«Этот-то случай и навел на мысль, что арестанты вышли из подкопа. При дальнейшем исследовании около топки печи в кухне, найдена маленькая лампа, почему тотчас же было приступ-

лено к осмотру внутри печи, которая в то время топилась, где в правой стороне и найден подкоп. В начале подкопа найдены два мешка с цветным бельем, 21 мешочек с землей, веревка из ветоши и две железки. Дознание производится.

Покровский».

Кухня в Зерентуе была излюбленным местом для подготовки побегов и подкопов. Объяснялось это тем, что в то время все заключенные имели свободный доступ на кухню. Она была расположена в нижнем этаже и имела земляные полы.

До 1910 года кухня и пекарня были в ведении политического коллектива, и рабочие подбирались туда нашим кашеваром и хлебопеком.

Во время обнаружения подкопа, на кухне работали бывшие солдаты и матросы — Калюжный, Галиков, Толмачев и, кажется, Крамаров-Исакович.

Кто был задержан с поличным — я не помню, но особых последствий и показаний, кажется, не было. Только сменили всех работающих на кухне, да усилился надзор за нею.

5. ТЮРЬМУ «ЗАВИНЧИВАЮТ».

Как ни старались Забелло и Покровский «заработать» на открытых ими подкопах и втереть очки начальству, в Чите все же посмотрели на

дело иначе. Там ведь сидели не менее опытные тюремные крысы, сразу раскусившие причины таких значительных замыслов со стороны заключенных.

На доклады с каторги военный губернатор Забайкальской области генерал Эбелов ответил следующим предписанием:

«Военный губернатор Забайкальской области. 13-го сентября 1908 года. Чита.

Начальнику Нерчинской каторги.

«Из донесений ваших усматривается, что со стороны чинов тюремной администрации и зерентуйской тюрьмы совсем не делается внезапных проверок и обысков, в особенности ночью. Если бы таковые делались часто и ночью, то несомненно подкобы не приняли бы хронического (постоянного) характера, а были бы обнаружены в начале, а также обнаруживались бы и виновники подкопов. Тюремный надзиратель несет, повидимому, службу небрежно, так как арестанты беспрепятственно проносят в тюрьму средства к устройству побега, как-то: стеариновые свечи, мешочки, лампы и, следовательно, керосин, котелки, кайлы, а главное — в тюрьму проникает в большом количестве вольная одежда, что, несомненно указывает на крайне слабый надзор за арестантами.

«Вследствие сего, предписываю: принять самые решительные меры к введению строгого порядка в содержании арестантов в тюрьмах вверенной вам каторги и вместе с тем вменить всем начальникам тюрем, под личную их ответственность, производить как можно чаще внезапные проверки и обыски, в особенности в летний период. Немедленно завести при каждой тюрьме книги обысков, из которых можно было бы видеть, когда и где делались обыски и что было обнаружено.

«Кроме сего, предписываю донести подробно: при каких обстоятельствах велся подкоп, обнаруженный 27-го августа, из кухни,— по счету четвертый,— почему отсутствовал надзор и кто виновен в слабом надзоре за арестантами, следствием чего были вышеуказанные подкопы, которые велись довольно продолжительное время и были обнаружены почти случайно.

Военный губернатор, генерал-лейтенант

Эбелов.

Управляющий отделением (подпись)».

Таким образом, подкопы правильно объяснялись неумелым и слабым надзором в тюрьмах каторги, где вскоре и потребовалось введение «настоящего» режима. С момента обнаружения этих подкопов режим начал постепенно ухудшаться.

Тем не менее, весь 1909 год и часть 1910 года в Зерентуе попрежнему еще устраивались «потемкинские деревни» ¹⁾. Перед приездом «начальства» тюрьма принимала должный вид: в цейхгауз выносились лишние вещи, на ногах появлялись кандалы, камеры и арестанты принимали подобающий им казенный вид. Гроза проходила, и — с некоторыми урезками, не без «волынки», многое возвращалось из цейхгаузов обратно в камеру, появлялись балалайки, франтовские бушлаты, полочки на стенах и прочее — все то, что скрашивало жизнь и создавало воображаемый «уют» в камере.

Конечно, такое положение вещей отстаивалось заключенными пядь за пядью от постоянных поползновений Покровского и Забелло нарушить его. Понятно, что и тем приходилось вести двойственную политику — исполнять приказы свыше и как-то ладить с зерентуйским коллективом. Они боялись мести со стороны террористов: добрые папаши своих семейств, плотно осевшие в

---

¹⁾ Во время пути царицы Екатерины, по южным вновь присоединенным к России землям Новороссии, ее фаворит и любовник князь Потемкин понастроил временные, необитаемые поселки по сторонам дороги. Приезжали сюда крестьяне встречать на дороге царицу и, она была уверена, что новые земли уже заселены, и «народ благоденствует». Отсюда пошло выражение: «потемкинские деревни», т.-е. очковтирательство.

своих казенных квартирах и домах с садами и огородами, чиновники, конечно, не хотели подвергнуться участи Метуса и Бородулина ¹⁾).

Потребовалась коренная ломка сложившихся в Горном Зерентуе обычаев и решительность зверя и палача Высотского ²⁾), чтобы воля начальства была осуществлена в полной мере и даже с избытком...

План обоих подкопов хорошо виден на помещенном на обложке рисунке, сделанном в канцелярии тюрьмы. Это — восточная сторона главного каменного корпуса, где обозначено расположение всех камер, кухни и так далее, а также и направление подкопа.

Здесь-то в этих камерах, протекала когда-то наша каторжная жизнь со всеми ее радостями и невзгодами.

---

¹⁾ М е т у с — начальник Нерчинской каторги. Б о р о д у л и н — начальник Алгачинской тюрьмы Нерчинской каторги. Оба были убиты террористами за зверское обращение с политическими в Алгачах в 1906 году. Среди заключенных в Алгачах был и Е. Созонов, переведенный затем в Горный Зерентуй.

²⁾ О Высотском — смотри примечание о Е. Созонове и книжечку «Тюремщик Высотский», издания Политкаторжан. Был убит уже в революцию 1917 г

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
<i>И. Гольц-Мшалер</i>	
Слушай	9
<i>В. Плесков</i>	
1. Неудачные попытки	11
2. Чистая работа	17
3. „Верх инженерного искусства“	21
4. Подкоп на кухне	34
5. Тюрьму „завищивают“	35

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова